

КНИЖНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Нашу гостью Сашу САШНЕВУ сложно представить в двух словах. Она — прозаик, поэт, художник, композитор, музыкант, певица. А также — кинорежиссер, сценарист и актриса. В последних трех ипостасях Саша выступила в фильме «Наркоза не будет», получившем призы фестиваля «Дебоширфильм — Чистые грезы» и кинофорума «Время жить» и хорошие отзывы на «Киношоке».

Кроме того, Александру Сашневу можно назвать просветителем: она составила уже три выпуска поэтического альманаха «Перекрестки», где соседствуют стихи известных, малоизвестных и вовсе пока что неизвестных авторов. Недавно вышедшую книгу Сашневой «Танго с ветром» издатели причислили к категории «современный женский роман», но нам кажется, что точнее было бы охарактеризовать ее как любовно-философский триллер.

СПОНСОР РУБРИКИ

197022, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., 67
op@baltmg.ru 327-52-74

Петербург как госпиталь духа

— Нарисуй, пожалуйста, словесный портрет своего читателя.

— На обложке «Танго с ветром» стоит «16+», но недавно мне написала девочка Гоша, которой всего одиннадцать. Она яростная поклонница моего текста и моего дискурса. Самой взрослой читательнице семьдесят с лишним. Известны мне читатели и читательницы среднего возраста — от тридцати до сорока.

Я уверена, что в начале XXI века важно не только послание, но и форма, в которой это послание высказано. Моя манера компоновать слои смыслов близка по стилистике к магическому реализму. Первым сочинением, потрясшим меня и давшим толчок формированию собственного мифа, была «Страшная месь» Гоголя. Мне было лет семь или восемь, и я читала все подряд. Но именно эта вещь поведала мне о мире нечто волшебное — о его свойстве быть одновременно и событием, и посланием. Магическое путешествие — это когда ты совершаешь жизнь как послание и читаешь ее как письмо с небес. На мой взгляд, именно это придает жизни смысл.

Когда я пишу свои буквы — это поиск того, как в судьбах людей участвует великая Пустота, как она заставляет их выпутаться из мельтешения банальностей.

Я уверена, что кроме меня существует еще масса людей, которые ценят в жизни этот диалог бытия с Бытием. Они — мои читатели. Они смогут читать мой текст несколько раз, находя там разные сюжеты о разном, так же как лучи магического кристалла рисуют разные фигуры в зависимости от взгляда, так и я ста-

раюсь в своих текстах сотворить нечто подобное — такое же бесконечно фрактальное само себе, как мир.

— Допустим, приходит к тебе черный (или, наоборот, светлый) человек, демон, ангел... И говорит: «С завтрашнего дня ты должна заниматься только чем-то одним — литературой, или живописью, или музыкой, или кино». Что ты выберешь?

— (Улыбается.) Простой ответ — кино. Кино требует, чтобы все это присутствовало заранее. Когда я пишу текст — это фильм. Может быть, текст позволяет сделать кино идеальным. И... бумага — это вечность. Дольше всего хранят послание камни, глина и бумага. Целлулоид или диски горят очень легко, и вы не сможете прочесть их без носителя. Возможно, что песок в пустыне — это библиотека. Огромная Александрийская библиотека, где на каждой песчинке записаны коды вечности. Но мы не можем прочесть это послание — у нас нет инструмента. Я пишу тексты для людей, и, пока у людей есть глаза и они говорят словами, у них будет возможность участвовать в моей игре. Кино, потому что сценарий — это книга, которая изложена на языке сцен.

— В 2005 году, если не ошибаюсь, ты переехала в Питер. Чем тебя держит наш город?

— Вот я хотела бы узнать, чем же он меня держит? И зачем? Иногда он подает мне знаки, которые я могу читать легко, иногда я не понимаю, почему он поступает именно так. Для меня Петербург — это по-прежнему огромная голова Петра, который стоит по горло в болоте и спит. А

Александра (Саша) САШНЕВА.

жители Петербурга смотрят его сны. Питер сам выбирает, кого он хочет видеть героем своей фантазмагии. Его воля однозначно сильнее моей. Возможно, он захотел передать мне нечто от духа русских литераторов, ходивших по этим улицам. Возможно, это некий госпиталь духа, каземат, медитация, которая должна привести меня к какому-то важному высказыванию. Небесный водоворот — вот причина моего присутствия здесь.

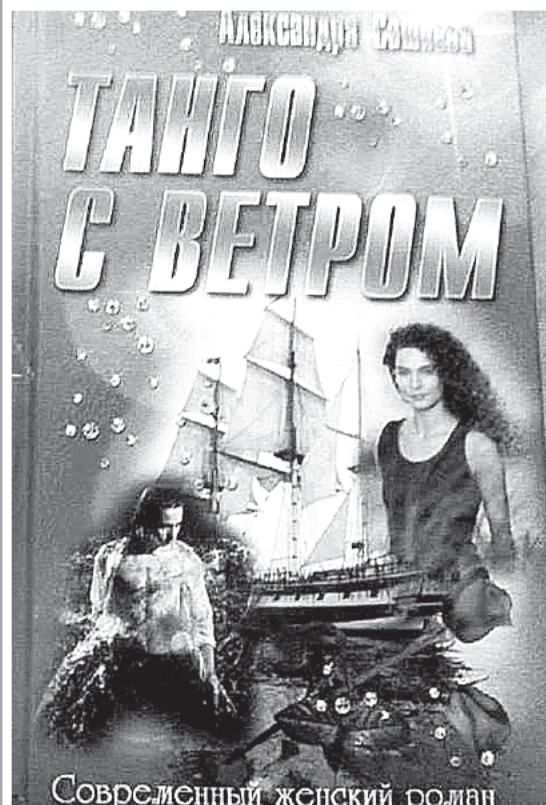
— Когда я читала «Танго с ветром», мне казалось, что хеппи-энда изначально не подразумевалось...

— Герои, какими они входят в «Танго» в начале, обречены. Они суицидальны и не

приняты жизнью, она не говорит им «да», и они ее не понимают и прячутся за масками. И лишь совершив под давлением Пустоты акт взаимного уничтожения «я», на руинах своего «я» они обретают младенческую доверчивость — и это для них шанс начать жить снова и получить от нее долгожданное «да». Им повезло. Они не просто сделали что-то, чего никогда не делали раньше. Осознав свою темноту, выбрали свет. Это второе рождение, и они прошли его вместе. Оттого-то немислимый изначально хеппи-энд становится возможным.

Фото из архива Александры Сашневой

ДАВАЙТЕ ПОЧИТАЕМ

Предлагаем вашему вниманию отрывок из романа Саши Сашневой «Танго с ветром»

Соня держит на руках кошку, ее волосы замерли, поднятые порывом ветра, все линии сложились в эту секунду в нечто музыкальное, нечто похожее на стихи. Рифмы жестов совпали с рифмами облачных черт на небе, с наклоном дерева вдаль. Тревожное счастье бытия блестит в глазах Сони.

Нет. С Джонни не случилось того, что случается со многими людьми, от которых мир когда-то отказался, но не убил. Джонни не стал придирчив к контурам. Он не склонен ни к излишнему эстетизму, ни к чопорности, нет у него особой любви к контурам и четкости линий. Нет у Джонни и неряшливости, к которой склонны иногда люди, скрывшиеся от мира в башне.

Все не так. С тех пор, как Джонни нашел свой пулемет, свой «шмайсер», «дегтярев», «калашников», «томи ган», он стал вполне нормальным на вид. Как все. Только он сам знал, какая пропасть разверзлась у него внутри.

Ада не обманула его. Ночь с ней стала лекарством. Прирученный демон Джонни, цепной цербер, алчное исчадие внутренней пропасти был надежно спрятан в темноте камеры сапоп. С тех пор, как это случилось, Джонни успокоился.

Теперь, отпуская демона на охоту, он освобождается от его зловонного запаха, накатывающего приступами темноты. Почему-то именно сапоп. Именно сапоп. Без всяких объяснений.

На экране компьютера фотка Сони. Джонни сидит на стуле и смотрит на фотку, не отрывая глаз. Соня держит на руках кошку. Колонки за спиной Джонни толкают воздух в комнату, и удары воздуха отзываются в среднем ухе Джонни ударами молоточка по наковаленке. Сигналы идут в мозг, и мозг опирается на эти ритмы, как на несущую частоту. Собственно, любые мысли — это всего лишь гипероволны. Жизнь предлагает нам шум. Но шум — это по сути тишина. Так же как бесконечность по сути ноль. Чтобы обозначить существование, нужно выбрать из шума мелодию, придать аморфной глине шума форму.

Музыка делает часть работы. Музыка — это уже река. Остается пустить по ней лодочку.

Джонни смотрит в глаза Сони и видит в них то, от чего решил отречься. То, с чем он так долго боролся, — с желанием срастись с кем-то до состояния неразличия, до состояния сиамского близнеца.

Одной таблетки достаточно.

Не бывает близнецов. Бывают чужие люди. Если ты чувствуешь, что кто-то тебе близнец, скорее всего, это твой демон повелся на запах дичи. Но никто не хочет быть тобой. Все хотят быть собой. И все хотят кого-то второго для себя. Чтобы он был всегда, вовремя и такой, как хочется. Чаще всего это желание принимается за любовь.

Но это всего лишь пробуждение демона. Не более.